

К ЮБИЛЕЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 330.5+330.8
JEL B1+N13

Михаил Андреевич Балугьянский — первый ректор возрожденного Университета

Г. Г. Богомазов, В. В. Ковалев, М. Л. Пятов, Е. Г. Чернова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Богомазов, Г. Г., Ковалев, В. В., Пятов, М. Л. и Чернова, Е. Г. (2025) 'Михаил Андреевич Балугьянский — первый ректор возрожденного Университета', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 41 (1), с. 4–22.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2025.101>

В данном выпуске журнала представлены статья, содержащая очерк о жизни и творчестве первого ректора возрожденного Санкт-Петербургского Императорского университета Михаила Андреевича Балугьянского (1769–1847), и две его работы по политической экономии, впервые адаптированные к правилам современного русского языка. В 1819 г. в возрожденном в своем статусе Университете была начата работа по организации научных исследований в области политэкономии. С этой целью была открыта кафедра энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии, которую возглавил профессор Балугьянский. В статье раскрываются моменты его жизни, связанные со служением на благо России — с организацией деятельности Санкт-Петербургского университета, работой по составлению свода законов под руководством М. М. Сперанского, преподаванием великим князьям и многим другим. Публикация работ Михаила Андреевича фактически возвращает в современный научный оборот его труды, посвященные вопросам, актуальным для экономической науки конца XVIII — начала XIX в. Эти работы Балугьянского были опубликованы в 1806 и в 1808 гг. в Статистическом журнале К. Ф. Германа, издававшемся Императорской Академией наук. Проанализировано содержание указанных исследований, приводятся комментарии к основным положениям. Современному исследователю предоставлена возможность буквально непосредственно пронаблюдать формирование экономической мысли в России на одном из исторических этапов ее развития. Работы Балугьянского, безусловно, будут интересны для исследователей истории экономики и экономической мысли в России, полезны историкам, изучающим развитие народного хозяй-

ства, а также всем читателям, интересующимся развитием культуры России. На основе материалов данного исследования авторами подготовлен раздел, посвященный жизни и творчеству М. А. Балугьянского, в Хрестоматии экономической мысли, посвященной юбилею Санкт-Петербургского государственного университета и готовящейся к изданию.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский государственный университет, Михаил Андреевич Балугьянский, Адам Смит в России, национальное богатство, возрожденный университет, ректор университета, политэкономия.

Введение

Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) — российский государственный деятель и экономист, доктор права (с 1796 г.), профессор политической экономии Санкт-Петербургского педагогического института (с 1804 г.), затем Санкт-Петербургского университета, статс-секретарь, сенатор, первый ректор возрожденного Санкт-Петербургского университета.

Роль Михаила Андреевича Балугьянского в жизни Санкт-Петербургского университета, в российской экономической науке, для России как государства огромна. Автор статьи о М. А. Балугьянском в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1891 г. издания писал: «В таких людях нуждалась тогда не только школа, таковых искали и для законодательной сферы. Михаила Андреевича весьма скоро приглашают принять участие в работах комиссии составления законов. Здесь его скоро оценил... Сперанский¹. Сделанный первоначально референдарием [советником] по политической экономии, финансовому и публичному праву, он скоро делается начальником 4-го отделения этой комиссии. Можно безошибочно сказать, что все важнейшие записки по политическим вопросам, выходившие из этой комиссии, главным образом по финансовым вопросам и крестьянскому делу, — записки, имевшие непосредственное влияние на законодательные мероприятия императора Александра I, принадлежали перу Балугьянского»².

Профессор Балугьянский неутомимо трудился на поприще распространения политических знаний в России сначала в качестве профессора педагогического института, с 1816 г. — как декан философско-юридического факультета Главного педагогического института. Когда Главный педагогический институт 8 мая 1819 г. был преобразован в Санкт-Петербургский университет, Балугьянскому была предоставлена кафедра энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии. При открытии университета Балугьянский был избран ректором.

«С 1813 по 1817 г. Балугьянский преподавал политические науки великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам и произвел на своих августейших учени-

¹ Граф Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — выходец из духовного сословия, сын священника, русский государственный и общественный деятель, реформатор, законодатель, правовед, основоположник юридической науки и классического юридического образования в России. Благодаря своим способностям и трудолюбию привлек внимание императора Александра I и, заслужив его доверие, возглавил реформаторскую деятельность. В 1816–1819 гг. — пензенский губернатор, в 1819–1821 гг. — сибирский генерал-губернатор. При Николае I руководил работой по кодификации законодательства. Участвовал в воспитании цесаревича Александра Николаевича, который через полвека возобновил либеральные реформы в России.

² *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* [в 86 т.]. Т. IА (4). Ауто — Банки. СПб.: Сема-нов. типо-лит., 1891. С. 833.

ков тоже благоприятное впечатление. Император Николай I, задумав вверить дело кодификации Сперанскому, непосредственным исполнителем этой трудной задачи делает Балугьянского. Он назначается начальником II отделения³ и, под главным руководством Сперанского, с блестящим успехом выполняет великое дело русской кодификации. В громадных знаниях Балугьянского Сперанский нашел ту помощь, без которой было бы немыслимо совершить этот гигантский труд⁴. За этими строчками словаря — полная дерзновенных целей и блестящих достижений, яркая жизнь большого ученого и государственного деятеля, просветителя, реформатора, первого ректора возрожденного Университета — Михаила Андреевича Балугьянского. Изучение его жизни заслуживает отдельной страницы в истории развития общественных наук в России.

Основная часть

Михаил Андреевич Балугьянский родился 26 сентября 1769 г. в селе Вышняя Ольшава, близ Токая, Земпленского комитата, входившего в те времена в состав Венгрии. Сейчас его родное село находится в Прешовском крае в восточной части Словакии. «Отец Михаила — Андриаш Балудянский — был нищим униатским священником небольшого сельского прихода в селе Ольшава. Паству его составляли бедные крестьяне. <...> Мать Балугьянского происходила из крепостных. Дед Михаила Андреевича — Михаил Балудянский в 1774 г. был осужден Маковицким собором и отрешен от церкви за нарушение церковных канонов, что и сказалось так трагически на судьбе его отца, безуспешно в течение 50 лет пытавшегося получить лучший приход и обеспечить семье более сносное существование. Чтобы прокормить свою семью в семь человек, отец Балугьянского арендовал у местной помещицы $\frac{1}{8}$ земельного надела, немногим больше одного гектара, и сам обрабатывал его: пахал, жал, косил. Когда же он перешел в другой приход, где ему полагался небольшой участок земли, местный помещик обложил его непомерными поборами, а затем и вовсе захватил его землю. Доведенный до отчаяния, не добившись справедливости у местных властей, Андриаш Балудянский писал в Вену. Свою жалобу, поданную на имя императрицы Терезии, он заключал словами: “Я не только не имею дохода, полагающегося мне по должности, но у меня нет никаких средств к существованию, и я влачу свою жизнь в величайшей нужде. Я нахожусь в самом печальном положении, которое я больше не в состоянии выносить”» (Косачевская, 1971, с. 27).

Как отмечает Е. М. Косачевская, впоследствии, занимая видное положение в России, Балугьянский будет стыдиться своего происхождения. На это, в частности, косвенно указывают воспоминания дочери Михаила Андреевича, в замужестве баронессы Марии Михайловны Медем. «Михаил Андреевич Балугьянский, — писала она, — родился в Венгрии в окрестностях Токая. Есть основания полагать, что по происхождению он славянин, а не венгерец, как он называл себя. О его молодости мы имеем крайне скудные сведения; известно только, что он окончил свое образование в Венском университете и уже 20-ти лет занял профессорскую кафе-

³ Имеется в виду II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

⁴ *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. С. 833–834.

дру. Все его родство состояло из одного брата, полковника Австрийской службы»⁵. По словам Т. Н. Жуковской, в Петербурге Балугьянский не распространялся о своем «низком» происхождении, наоборот, запись в его формуляре «из благородных венгерских уроженцев» намекала на принадлежность Михаила Андреевича к дворянству (Жуковская, 2020, с. 253).

Однако, несмотря на свое невысокое положение на социальной лестнице, «...отец Балугьянского был весьма образованным человеком, знавшим латынь, и смог дать сыну основательное первоначальное образование. Восьми лет Михаил был определен в гимназию католического Миноритского ордена паулинов в Шаторальяуйхей, столице Земпленского комитата. В гимназии господствовали схоластическая система и теологический характер преподавания» (Косачевская, 1971, с. 28).

Михаила Балугьянского, сына бедного униатского священнослужителя, ожидала в лучшем случае перспектива стать сельским священником или учителем. Однако судьбой ему было предопределено совсем иное. Незаурядные способности молодого человека были отмечены, и, с отличием пройдя трехлетний курс обучения в гимназии, он был за казенный счет отправлен для продолжения образования. В 1780 г. Михаил поступил на философский факультет Венгерской королевской академии правоведения в Кошша (в настоящее время — город Кошице в Словакии), который окончил в 1787 г., получив по всем предметам отличные оценки (Косачевская, 1971, с. 28–29; Жуковская, 2020, с. 251). Свое образование Балугьянский продолжил на юридическом факультете Венского университета, курс которого был пройден им за два года. В университете он учился у профессора немецкого исторического права Франца фон Цейлера. Здесь же одаренность студента Балугьянского оценил знаменитый тогда профессор политических наук Йозеф фон Зонненфельс, особому руководству которого были поручены королевские стипендиаты. У Зонненфельса Михаил изучал политические науки и финансы. Так Михаилу Андреевичу довелось испытать на себе влияние двух немецких научных школ — государственных наук и теории финансов. В 1789 г. Балугьянский начал преподавать коммерцию и политические науки в только что открывшейся Гражданской академии в Надьвараде (в настоящее время — город Орадя в Румынии). Читал курсы полицейского и финансового права, коммерции и делопроизводства (Жуковская, 2020, с. 251).

Незаурядность личности М. А. Балугьянского прекрасно характеризует следующий эпизод его биографии. В период пребывания в Вене Михаил Александрович всерьез увлекся изучением искусства, и даже поступил в Высшее училище художеств. Как отмечает Е. М. Косачевская, «...к сожалению, в настоящее время мы не располагаем более подробными сведениями об обучении Михаила Балугьянского в художественном училище Вены, однако уже сам факт его поступления туда и обучения там способен в значительной мере объяснить широту его эрудиции, хорошую осведомленность в области искусства, которые, в частности, впоследствии проявились в кругу его знакомств и связей, среди которых представители искусства занимали видное место» (Косачевская, 1971, с. 30–31).

Весьма интересным событием стало участие Михаила Александровича в революционно-освободительном движении. Не случись этого, он вряд ли решился бы в дальнейшем уехать в Россию, и, скорее всего, жизнь его сложилась бы совершен-

⁵ М. А. Балугьянский. Записка его дочери, баронессы М. М. Медем. *Русский архив*, 1885, 11, с. 415.

но иначе. В те годы в Вене витал дух Французской революции. В конце 1780-х годов австро-венгерское среднее дворянство выдвигает требования к конституции. Меняется роль интеллигенции в жизни страны. К началу 1790-х годов в Венгрии формируется местное якобинское движение. В апреле 1794 г. начали действовать две тайные организации — «Общество реформаторов» и «Общество свободы и равенства». Ко второй организации принадлежал и Балугьянский. Члены общества распространяли «Катехизис свободы» — программу, содержащую планы революционного преобразования Венгрии на основе республиканского устройства страны, национальной независимости и ликвидации крепостного права. Балугьянский был не только активным участником этой тайной организации, но и одним из ее руководителей.

По материалам следствия и процесса по делу якобинцев в Венгрии Балугьянский был включен в список 45 главных участников тайной организации и числился в списке лиц, подлежащих аресту. Последнего Михаилу Александровичу все же удалось избежать. Он, как и многие другие участники, успел уничтожить все письма, списки и другие компрометиовавшие его бумаги. Несомненно, что на исход дела повлияло заступничество профессора Зонненфельса. На судебном заседании 2 марта 1795 г. Балугьянский был полностью реабилитирован.

Полный разгром движения венгерских якобинцев, отсечение голов в мае 1795 г. на площади в Буде пятерым предводителям общества, среди которых был друг Балугьянского — Ференц Сентмарьяи, а также осуждение многих его товарищей, участников движения, на долгие годы тюремного заключения повергли молодого Михаила Андреевича в состояние отчаяния и страха, а затем подавленности и апатии. Он порывает все прежние связи и полностью отходит от общественно-политической жизни, углубляется в науку и в 1797 г., сдав в Пеште докторские экзамены, публикует и защищает в докторском диспуте в Пештском университете тезисы «из всех правовых и политических наук». Михаил Андреевич представляет к защите диссертацию «О зернохранилищах» и получает степень доктора права.

Балугьянский в докторской диссертации формулирует рекомендации, следование которым улучшило бы благосостояние населения, помогло бы избавить народ от нищеты, голода и страданий. При этом «исцеления от всех бед он ждал от просвещенного монарха». Балугьянский, последователь доктрины естественного права Гоббса, рассматривал народ как объект «отеческого попечения» монарха, просвещенного наукой. Основной идеей, которую развивал в своей диссертации Михаил Андреевич, была руководящая роль государства в регулировании цен на сельскохозяйственные продукты (Косачевская, 1971, с. 40-41).

Надежда на просвещенного монарха — взгляды, как нельзя лучше подходившие к российской действительности. «Балугьянского тяготила жизнь и деятельность в провинциальном городке Надъварад. Он искал выхода, и ему представился удачный случай. В начале XIX в. Михаил Андреевич возобновляет связи со своим другом и соучеником по Венскому университету И. С. Орлаем, служившим придворным лекарем в России и на средства правительства переехавшим на два года в Вену совершенствовать свои знания. Переписка друзей продолжилась и после возвращения Орлая в Петербург. Орлай рисовал в розовых красках культурно-политическую жизнь России. Он писал: “Профессора в России имеют такие привилегии, как нигде в мире”. Орлай начал уговаривать Балугьянского перебраться в Петербург.

Посылая персональные приглашения Балугьянскому и другим свои землякам, Орлай одновременно помещал в венгерской печати публикации, где говорилось о “колоссальном” культурном подъеме России и о проводимых в России реформах. “В каждой губернии, — писал он в ‘Венгерском курьере’, — создаются гимназии и прогимназии. <...> Кроме трех уже действующих, учреждаются университеты в Петербурге, Киеве, Харькове, Казани, Устюге и Тобольске”. Александра I Орлай называл “двигателем наук и покровителем ученых”, отмечая, что “император уважает и ценит ученых, как Александр Македонский Аристотеля”. “Почетное приглашение” Балугьянского в Россию широко рекламировалось в венгерской печати. Было опубликовано письмо Орлая, в котором перечислялись права и преимущества, предложенные Балугьянскому, — дворянство, 2000 рублей жалования, пенсия ему и жене, образование детей на государственный счет, ордена и т. п. <...>

По совету И. С. Орлая Балугьянский едет в Вену, чтобы представиться в русском посольстве и заручиться ходатайством посла. Затем в августе 1803 г. он обращается через Наместнический совет к австрийскому императору с просьбой разрешить ему выехать в Россию. Интересны подробности, которые в этом прошении Балугьянский считает необходимым сообщить императору о себе. “Свыше четырнадцати лет, — писал он, — я занимался общественно-политическими науками и безуспешно. Преподавал общую историю, статистику, гражданское и международное право, заведовал библиотекой и все делал охотно и ни от чего не отказывался. Однако, работая в течение последних трех лет в качестве сверхштатного преподавателя, я едва мог покрывать свои расходы”. Заканчивая прошение, Михаил Андреевич просил выплатить ему жалование до конца года (за два месяца вперед), чтобы “не показаться за границей нищим и смешным”, и, главное, позволить ему через два-три года возвратиться в Венгрию для продолжения службы в Надьвараде» (Косачевская, 1971, с. 42).

Любопытно, что император не только отклонил просьбу о денежной дотации, но и запретил Балугьянскому в случае отъезда возвращаться обратно. В декабре 1803 г. Балугьянский с семьей покинули Надьварад. Мать Михаила Андреевича к тому времени умерла, отец служил униатским священником в Теребеше; один из братьев служил в Италии в армии, другой, как и отец, был священником (Косачевская, 1971, с. 43-44).

В своих воспоминаниях об отце баронесса М. М. Медем писала: «В 1803 году из России был сделан вызов профессоров для учреждаемого тогда Педагогического института, и Михаил Андреевич принял это предложение в числе трех других профессоров. Главной побудительной причиной такого решения было любопытство и сильное желание поближе познакомиться со страной, о которой в то время за границей ходили чудовищные слухи и рассказы. Но он принял это предложение только на три года, по истечении которых рассчитывал непременно вернуться назад. Совершив самое трудное и тяжелое путешествие через город Лемберг (Львов) по крайне первобытному способу передвижения, 4 февраля 1804 года он прибыл в Санкт-Петербург, и так как вызов был сделан от имени Новосильцева, то он прямо к нему и явился. <...>

По прошествии трех лет его деятельность оказалась настолько значительной и полезной, что его просили продолжить пребывание в России еще на три года, потом еще на три и так далее. Одним словом, он откладывал свой отъезд с года на

год; а между тем его связь с Россией все росла и росла, так что в конце концов он настолько сроднился с нею, что стал считать ее своим новым отечеством и оставался в ней до конца жизни»⁶. Но все это впереди, а по прибытии в Санкт-Петербург его ждал визит к попечителю Петербургского учебного округа графу Новосильцеву.

Е. М. Косачевская пишет: «По приезде в Россию Балугьянский явился прямо к попечителю Петербургского учебного округа Новосильцеву, на которого произвел весьма благоприятное впечатление. Он познакомил Балугьянского со Строгановым⁷ и Чарторыйским⁸ и представил его министру просвещения Завадовскому⁹. Естественно, широко образованный в области политических и юридических наук профессор Балугьянский привлек внимание высшего света Петербурга, и вскоре он становится советником “в рассуждениях о делах государственных”. Благородная осанка, красивая внешность, простота одежды — все это способствовало популярности нашего героя в столичном высшем свете. Он держался с большим достоинством, ни перед кем не заискивал и покорял окружающих простотой обращения, глубокими разносторонними знаниями, которыми он охотно делился» (Косачевская, 1971, с. 45). Балугьянский владел древними классическими языками, немецким, французским, итальянским, английским, а также многими славянскими языками. Смог выучить и русский язык, но редко говорил на нем и не мог писать, объясняясь в России преимущественно на французском (Дубянский, 2019, с. 68). Как вспоминала дочь Михаила Андреевича, ее отец «...никогда не любил говорить о себе, не старался быть на виду и не выставял себя вперед. <...> Тщеславие было ему незнакомо. Одно из его любимых изречений *vanitas vanitatum* (“суета сует”) доказывает это. <...> В требованиях жизни он был очень прост, но у него сильно развит был вкус изящного»¹⁰.

Обладая ограниченными средствами, Балугьянский вместе с семьей поселился в небольшой квартире на Невском проспекте в доме католической церкви. «Первые мои воспоминания об отце, — пишет Мария Михайловна, — относятся к тому времени, когда мы жили на Невском проспекте в доме католической церкви. Днем, когда отец уходил на службу, его скромно меблированный кабинет был любимым местом наших игр; вечером же это была рабочая комната делового человека. Я, как теперь, вижу отца стоящим перед конторкой с пером в руке, в халате, работающим до глубокой ночи»¹¹.

Итак, в феврале 1804 г. Балугьянский заступил на службу в качестве профессора политических наук Педагогического института, где готовились учителя губернских гимназий. Затем в Университете он читал политическую экономию, финансы и дипломатику. Курс лекций Михаила Андреевича не сохранился. Но

⁶ М. А. Балугьянский. Записка его дочери, баронессы М. М. Медем. С. 415–416.

⁷ Барон, затем граф Строганов Александр Сергеевич (1733–1811) — русский государственный деятель: сенатор, петербургский губернский предводитель дворянства, президент Императорской Академии художеств.

⁸ Князь Чарторыйский Адам Ежи (1770–1861) — российский и польский государственный и политический деятель.

⁹ Граф Завадовский Петр Васильевич (1739–1812) — российский государственный деятель, кабинет-секретарь, фаворит Екатерины II, первый министр народного просвещения Российской империи.

¹⁰ М. А. Балугьянский. Записка его дочери, баронессы М. М. Медем. С. 424–425, 429.

¹¹ Там же. С. 416.

довольно ясное впечатление о Балугьянском как ученом-политэкономе можно составить, познакомившись с его работами, опубликованными в 1806 и 1808 гг. в «Статистическом журнале», издававшемся Императорской Академией наук под редакцией К. Ф. Германа. Это статьи «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем»¹², «О национальном богатстве. Продолжение. Система физиократов или экономистов»¹³ и «Статья теоретическая о разделении и обороте богатства»¹⁴.

По мнению А. Н. Дубянского, поскольку Й. Шумпетер называл таких ученых, как М. А. Балугьянский, то есть занимавшихся и преподаванием, и административной работой, консультантами-администраторами, относя их к научному течению камерализм, Балугьянского можно считать первым русским камералистом (Дубянский, 2019, с. 67). Указанные работы Михаила Андреевича явно показывает в нем сторонника идей А. Смита, скептика по отношению к меркантилизму и убежденного противника учения физиократов.

Тексты Михаила Андреевича представляют собой замечательный пример здоровой и остроумной квалификации социально-экономических утопий, к сожалению, не раз становившихся «теоретической основой» трагических перемен в истории «просвещенных государств».

Работы Балугьянского, о которых идет речь, приводятся в данном номере журнала после настоящей статьи. Авторы готовы побиться об заклад, что, знакомясь с восторженными комментариями Балугьянского к труду Адама Смита, читатель обязательно вспомнит известные строки из «Евгения Онегина»:

...читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет¹⁵.

Как отмечает Косачевская, помимо печатных работ, сохранились авторский конспект и конспекты лекций Михаила Андреевича, составленные студентом Педагогического института К. Арсеньевым¹⁶, а также конспекты лицейских лекций

¹² Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем. Михаила Балудянского, доктора прав, профессора политической экономии при Санкт-Петербургском Императорском педагогическом институте, редактора при Комиссии о составлении законов по части политической экономии и финансов. *Статистический журнал*. Т. I. Ч. I. СПб.: Импер. Акад. наук, 1806. С. 45–71.

¹³ О национальном богатстве. Продолжение. Система физиократов или Экономистов. *Статистический журнал*. Т. I. Ч. II. СПб.: Импер. Акад. наук, 1806. С. 33–70.

¹⁴ Статья теоретическая о разделении и обороте богатства. Соч. Михаила Балудянского. *Статистический журнал*. Т. II. Ч. II. СПб.: Импер. Акад. наук, 1808. С. 1–76.

¹⁵ Е. М. Косачевская отмечает, что, возможно, А. С. Пушкин был лично знаком с Балугьянским (Косачевская, 1971, с. 129).

¹⁶ Арсеньев Константин Иванович (1789–1865) — русский историк, статистик и географ, действительный член Российской академии наук, академик Петербургской академии наук.

А. Куницына¹⁷ — ученика Балугьянского. Исследовательница пишет: «Как велик был педагогический талант и мастерство Балугьянского, со всей очевидностью свидетельствует отзыв его ученика и почитателя академика К. И. Арсеньева, слушавшего его лекции в Педагогическом институте и позднее вспоминавшего: “Дни, в которые приходил к нам на уроки проф. Балугьянский, были для всех нас светлым праздником. С восторгом бежал каждый из нас в классы, узнав о его прибытии; его одушевленные и умные чтения слушаемы были с безмолвным вниманием; самые отвлеченные умозрения о капитале, о потреблении, о банках, о кредите несколько не утомляли сил, напротив, возбуждали самый высокий интерес и любознательность. Балугьянский, державшийся всегда кротко и вежливо, но с большим достоинством, был всеобщим любимцем студентов, а по отбытии его из классов в продолжении нескольких часов безумолжно говорили о содержании его лекций, рассуждали, спорили и научались”» (Косачевская, 1971, с. 73).

Велика роль М. А. Балугьянского в подготовке профессоров будущего Петербургского университета, в котором преподавали после возвращения из-за границы семь из двенадцати его бывших воспитанников. Среди них А. Галич¹⁸, А. Куницын, М. Плисов¹⁹, И. Бутырский²⁰ и др. Подводя итоги 18-летней деятельности Балугьянского в Педагогическом институте и Университете, тепло вспоминал его ректор П. А. Плетнев, отмечая, что более 400 молодых людей, окончивших курс учения, с восхищением и гордостью вспоминали о том времени, когда слушали лекции знаменитого профессора. Многие из них посвятили себя исключительно политическим и юридическим наукам и сами приобрели известность²¹.

В марте 1819 г., вскоре после открытия Санкт-Петербургского университета, Балугьянский был избран деканом философского-юридического факультета. Он читал курсы «Энциклопедия юридических и политических наук» и политической экономии. В октябре состоялась конференция по избранию ректора образованного университета. Голоса выборщиков разделились поровну между профессорами М. А. Балугьянским и Э. Б. С. Раупахом (1784–1852), преподававшим курс всеобщей истории. По жребию пост достался Раупаху. Но Комитет министров не признал выборы по жребию и рекомендовал провести новое голосование, по итогам которого победил Балугьянский. Император Александр I утвердил 27 октября 1819 г. Михаила Андреевича в должности ректора Санкт-Петербургского университета. Балугьянскому была предоставлена также должность заведующего кафедрой энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии (Дубянский, 2019, с. 71).

А. Н. Дубянский писал, что главной заслугой М. А. Балугьянского на посту ректора являлась разработка проекта устава Санкт-Петербургского университета, который предусматривал неограниченную правительством автономию универ-

¹⁷ Куницын Александр Петрович (1783–1840) — русский юрист, профессор, действительный статский советник.

¹⁸ Галич Александр Иванович (настоящая фамилия Говоров; 1783–1848) — русский философ, преподаватель латинской и российской словесности.

¹⁹ Плисов Моисей Гордеевич (1783–1853) — тайный советник, сенатор.

²⁰ Бутырский Никита Иванович (1783–1848) — один из первых профессоров Санкт-Петербургского университета, критик, поэт.

²¹ *Прибавление к Журналу Министерства народного просвещения*. СПб., 1848. Кн. 3. С. 76 (цит. по: (Косачевская, 1971, с. 78)).

ситета, а также возможность получения высшего образования для всех сословий российского общества. Петербургский университет должен был, по убеждению Михаила Андреевича, стать головным учебным заведением страны, способствовать созданию научных обществ по всей России, обеспечить написание и издание учебной и научной литературы. Проект Балугьянского отражал современные ему тенденции в области просвещения и высшего образования. Проект отвергли, был реализован «типовой» устав российских университетов, а впоследствии принят устав редакции 1835 г., как правило, называемый в соответствующей литературе реакционным. Тем не менее многие идеи Михаила Андреевича, заложенные в его проекте, длительное время оказывали влияние на развитие университетского образования в России. Неприятности на посту ректора начались у Балугьянского после назначения 19 июля 1821 г. исполняющим обязанности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д. П. Рунича (Дубянский, 2019, с. 71–72). Об известном «деле профессоров», уходе Балугьянского с поста ректора университета написано достаточно много работ, детально исследовавших эти страницы жизни Балугьянского. Может быть, несколько нетипично прозвучит характеристика тех дней жизни отца в воспоминаниях М. М. Медем.

«Однажды отец объявил нам, — вспоминала Мария Михайловна, — что он едет на конференцию в Университет и вернется домой к обеду. На этой конференции должно было разбираться дело нескольких студентов и четырех профессоров, которые в своих суждениях, взглядах и поступках резко отличались от сотоварищей. Как известно, эпоха мистицизма была тогда в самом разгаре, так что столкновения противоположных партий случались весьма нередко. Вопрос шел об исключении из Университета заподозренных в неблагонадежности и вольнодумстве студентов и профессоров. Отец сильно и горячо отстаивал обвиняемых, но враждебная ему партия с Магницким во главе одержала верх. Он возвратился из конференции около часу ночи крайне взволнованный и раздосадованный. На наши расспросы он отвечал, что сложил с себя должности ректора и выходит в отставку. Это решение соответствовало его сильному и независимому характеру; он не задумался над тем, что у него большое семейство, а средства ограничены, и ни минуты не колебался пожертвовать своим благосостоянием для защиты невинных людей»²².

В преподавательской истории Михаила Андреевича есть страницы, о которых просто нельзя не упомянуть, рассказывая об этом замечательном человеке. С 1813 по 1817 г. Балугьянский преподавал великим князьям (родным братьям царствовавшего в то время Александра I) естественное, публичное и народное право, в течение недолгого времени читал политическую экономию (Дубянский, 2019, с. 71). М. М. Медем вспоминала: «Когда он получил назначение преподавателя политической экономии Их Императорским Высочествам Великим Князьям Николаю и Михаилу Павловичам, тогда почти все лето мы проводили в Павловске; квартира наша была во дворце, где старинное убранство и обстановка до сих пор оставили следы в моей памяти. Помнятся мне также прелестный Розовый Павильон, колонны, стены, окна и потолок которого были перевиты роскошными гирляндами искусственных роз, и великолепный парк, в котором Императрица любила иногда проехаться верхом, сидя на лошади по-мужски: она находила этот способ езды бо-

²² М. А. Балугьянский. Записка его дочери, баронессы М. М. Медем. С. 417–418.

лее удобным и целесообразным. При этом ее роскошный и крайне изящный костюм ловко обхватывал ее грациозный стан и ниспадал тысячами складок, прелестно драпируясь по бокам лошади. По ее же желанию в Павловске была устроена ферма, в которой каждый посетитель, конечно безвозмездно, получал кружку молока или тарелку творогу или что-нибудь подобное. Ей очень нравилось, когда гуляющие заходили на ее ферму и пользовались деревенским угощением. Императрица Мария Федоровна всегда присутствовала на лекциях, которые читал мой отец. Однажды молодые князья опоздали на лекции, и когда они вошли, то Императрица, ожидавшая уже некоторое время, сделала им выговор. Великий Князь Николай Павлович, посмотрев на часы, стал извиняться тем, что они опоздали только на пять минут. «Не забывай, что в пять минут можно лишиться империи,» — отвечала Императрица. При этих лекциях внимание Великих Князей иногда ослабевало, и тогда Михаил Андреевич постоянно обращался к ним со следующими словами: «Благоволите, Ваше Высочество, сообразить важность этого предмета». Эта обычная фраза в таких случаях врзалась сильно в память Николая Павловича, и он впоследствии встречал Михаила Андреевича этими же самыми словами»²³.

А вот воспоминания Николая I из работы Е. М. Косачевской: «Я помню, как нас мучили два человека, очень добрые, может статься, и очень ученые, но оба не-сноснейшие педанты: покойный Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и бог знает каких еще законах. <...> И что же выходило? На уроках этих господ мы дремали или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственно их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбежку, без плода и пользы для будущего» (цит. по: (Косачевская, 1971, с. 74)).

А. Н. Дубнянский отмечает, что Балугьянский был знаком с идеями классиков политической экономии А. Смита (1723–1790), Д. Рикардо (1772–1823), читал труды французских экономистов А. Р. Ж. Тюрго (1727–1781), Ж. Б. Сея (1767–1832), поэтому словацкого ученого старались привлечь к разработке планов реформирования государственного управления. Помимо приглашения на преподавательскую должность он получил назначение во вторую экспедицию Комиссии составления законов на должность редактора отдела государственного хозяйства и финансов. С 1809 по 1812 г. М. А. Балугьянский был начальником IV отделения Комиссии, работал в Министерстве финансов, выступая консультантом-администратором (Дубнянский, 2019, с. 69).

Занятия с великими князьями приблизили Балугьянского к царской семье. Знакомство с первыми лицами государства сыграло решающую роль в его дальнейшей судьбе. «К этому же времени, — читаем в воспоминаниях М. М. Медем, — относится начало сношений отца с разными министерствами и почти со всеми существовавшими в то время значительными личностями; на него уже возлагают разного рода отдельные работы, которые очень часто поручались ему Государем»²⁴.

«13 декабря [1825 г.], — вспоминала баронесса Медем, — я приехала навестить моих родителей и услышала, что Великий Князь Николай Павлович присылал за моим отцом и что тот отправился к Его Высочеству. Мы с нетерпением ожидали

²³ М. А. Балугьянский. Записка его дочери, баронессы М. М. Медем. С. 416–417.

²⁴ Там же. С. 417.

возвращения отца, чтобы убедиться в справедливости слуха о присяге Николаю Павловичу. Вернувшись из дворца около полуночи, отец рассказал нам о душевном приеме, сделанном ему Великим Князем. Николай Павлович его обнял и объявил, что завтра взойдет на Российский престол. Отец оставался у него очень долго; но полного разговора с Великим Князем он нам не передал, а сообщил только некоторые отрывки. Вот один из них, довольно рельефно характеризующий как личность, так и намерения Великого Князя. “Я желаю, — сказал он, — положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов”. При этом, выйдя в другую комнату, он принес бюст Петра Великого, поставил его на свой письменный стол и с большим воодушевлением сказал: “Вот образец, которому я намерен следовать во время моего царствования”.

Николай Павлович любил моего отца, доверял ему и, коснувшись необходимости восстановить законы, слегка коснулся некоторых проектов по этому поводу. Тут же впервые было упомянуто имя Сперанского. Государь, признавая его обширные государственные способности, не особенно доверял ему и даже не любил, так что в этот же самый разговор было решено, что отец мой будет сотрудником Сперанского при составлении и пересмотре законов. Надо заметить, что после возвращения Сперанского из ссылки и после его генерал-губернаторства в Иркутске он никогда уже не был приближенным к императору Александру. Сперанский чувствовал это, огорчался этим и оскорблялся, но никак не мог возратить прошлого и добиться прежнего влияния, и только со вступлением на престол Николая Павловича для него начинается новая эпоха деятельности и силы.

Вскоре явился указ об учреждении Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Сперанскому было поручено управление, а отец назначен начальником Второго Отделения. С этого времени началась работа, плодами которой мы пользуемся в настоящее время. Для отца это было началом его ревностных, усиленных и в настоящей степени напряженных трудов. Всем было достаточно работы, но на долю отца приходилось больше всех; все имели какой-нибудь отдых, а он никакого; он не щадил ни здоровья, ни трудов и работал, работал без усталости с утра до ночи»²⁵.

Позднее Н. М. Коркунов²⁶ писал о том, что в начале царствования Николая I был учрежден особый секретный комитет, известный под именем комитета 6 декабря 1826 г., для разбора бумаг, оставшихся после Александра I, и исправления существовавшей организации управления и суда. Председателем был назначен граф Кочубей, членами — граф Толстой, Васильчиков, князь Голицын, барон Дибич, Сперанский, а делопроизводителями — Блудов, Дашков и барон Корф.

Работа комитета не привела к прямым практическим результатам. Из выработанных проектов только проект дополнительного закона о состояниях был вынесен в Государственный совет, но не получил утверждения вследствие сомнений Константина Павловича, возражавшего против запрета брать крестьян в дворовые. Несмотря на безуспешность комитета, деятельность его представляет интерес

²⁵ Там же. С. 419–420.

²⁶ Коркунов Николай Михайлович (1853–1904) — русский ученый-юрист, философ права, профессор, специалист по государственному и международному праву. Преподавал в Санкт-Петербургском университете, Военно-юридической академии и других учебных заведениях. Разрабатывал социологическое направление в юриспруденции.

в плане подготовки реформ, которые ознаменовали царствование Александра II. В проектах комитета намечались предпосылки законодательных актов царя-освободителя.

Обращают на себя внимание предложения М. А. Балугьянского о преобразованиях судебной части, внесенные в комитет по высочайшему повелению от имени неизвестного²⁷.

Составители 90-го тома Сборника Императорского русского исторического общества, заключавшего в себе некоторые важнейшие бумаги Комитета 6 декабря 1826 г.²⁸, в примечании к публикации анонимно представленной Балугьянским записки указали: «Это рассуждение в журналах Комитета 6 декабря 1826 г. приписано неизвестному автору. <...> На обертке же подлинной записки есть надпись карандашом: г. Балугьянского. В архиве бывшего II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, что ныне Кодификационный отдел при Государственном Совете, есть дубликат этого рассуждения и при нем письмо статс-секретаря Михаила Андреевича Балугьянского к графу Д. Н. Блудову (5 мая 1836 г.); в этом письме Балугьянский прямо называет себя автором этой записки»²⁹.

В «Рассуждениях о средствах исправления учреждений и законодательства в России» М. А. Балугьянский писал:

«Следствия сего хода дела [имеющегося положения вещей] суть:

<...>

«...Нет ответственности ни в каком управлении. Всякое место и всякий управляющий чиновник старается сбить с рук дела, выслав их на разрешение начальства, до получения которого и по получении оно уже освобожден от всяких притязаний. Ответственность грозит только на нескольких бедных членах губернского правления и судебных мест, полагающих свои решения нередко по недоумению закона, за что они опубликуются, то есть лишатся чести при оставлении их в прежних должностях.

<...>

Произвол и деспотизм всех чиновников от Министра до последнего. В нашем веке где деспотизм? В Царях? Взглянем на Европейских Государей! Где деспотизм? Он есть в управляющих местах и лицах, действующих с совершенно неопределенною властью в замешательстве порядка в производстве дел.

Наконец, бездна сих мелких дел представляется на Высочайшее усмотрение Государя. Государя! Будто бы Он не имеет гораздо величайших дел, Он, который определил места и лица для исполнения своей Верховной воли, для производства сих дел!...»³⁰

Суть предложений Михаила Андреевича — усиление ответственности на каждой ступени лестницы власти, оптимизация распределения полномочий между чиновниками различных уровней, коллегиальность принятия решений, освобож-

²⁷ Коркунов Н. М. (1895) *М. А. Балугьянский. Проект судебного устройства 1828 года. (Из «Журнала Министерства юстиции»)*. СПб.: Тип. Правит. сената, с. 1–2.

²⁸ *Сборник Императорского русского исторического общества*. Т. 90. СПб.: в Гос. тип., 1894.

²⁹ Там же. С. 33.

³⁰ «Рассуждение неизвестного (статс-секретаря М. А. Балугьянского) о средствах исправления учреждений и законодательства в России», в *Сборник императорского русского исторического общества*. Т. 90. С. Петербург: в Гос. тип., 1894. С. 33.

дение министров и самого Государя от решения мелких дел — открывает перед нами Балугьянского как просвещенного романтика, хоть и отдавшего жизнь служению России, все же оставшегося европейцем той Европы, что уже пережила Французскую революцию. Все эти замечательные предложения не соответствовали лишь одному абсолютно самодержавному духу социальной жизни России, где слово государя решало все от глобальных до самых частных вопросов; где чиновники не решались ни на какой шаг без одобрения, а «начальство», «с легкого взгляда» подписывающее дела, обладало властью в любой момент этот взгляд переменить; где произвол являл собой самую суть власти и где, по меткому выражению Жозефа де Местра³¹, голоса «не считают, а взвешивают». «Человек, — подчеркивал де Местр, — если его предоставить самому себе, слишком зол, чтобы быть свободным. <...> Когда свобода принадлежит всем, тогда не остается средств управлять людьми как народом. Вот почему естественным состоянием основной части человечества всегда было рабство. <...> Рабство существует в России потому, что оно необходимо, и потому, что император не может править без рабства. <...> Никаким народом нельзя управлять с помощью одних законов — такого никогда не было и никогда не будет. <...> Можно сказать, что любое верховное правление только в том случае обладает достаточной силой для водительства нескольких миллионами человек, если его поддерживает религия или рабство, или же и то и другое вместе. <...> На Западе государственная власть, освобождая рабов, не предоставляла их окончательно самим себе: они пребывали под десницей священнослужителя. И, кроме того, тогда жили просто. Наука еще не разожгла эту пламенеющую гордыню, которая уже успела пожрать половину мира и непременно завершит свое начинание, если ее ничто не остановит. В России ситуация совершенно другая. Каждый правитель, или, лучше сказать, каждый дворянин, являет собой подлинного судию, своего рода гражданского правителя, который на своих землях имеет своих же охранителей общественного порядка и который облачен всей властью для того, чтобы в основном подавить необузданный порыв отдельных проявлений злой воли. <...> Зерна российской цивилизации согрелись и взошли в грязи регентства. Ужасная литература XVIII века сразу, без какой-либо подготовки проникла в Россию, и на первых уроках французского языка, который услышало русское ухо, звучали слова богохульства. <...> Это роковое обстоятельство сказывается на России так, как ни на какой другой стране, и оно должно заставлять ее наставников принимать особые меры предосторожности, когда речь заходит о том, чтобы даровать свободу огромному народу, прежде ее не знавшему» (Местр, 2007, с. 27–41).

Иезуит де Местр³² охватывал российскую действительность более реалистичным взглядом, нежели романтик-просветитель Балугьянский, он тонко понимал те черные стороны духа самодержавной России, избавление от которых грозило обернуться трагедией для судьбы нашей Родины.

³¹ Жозеф де Местр (1753–1821) — католический философ, литератор, дипломат. На протяжении 14 лет (1803–1817) был посланником Королевства Савойя-Сардиния в России.

³² Ж. де Местр воспитывался под руководством иезуитов, признательность которым сделала его позднее защитником интересов их ордена в России. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2207108> (дата обращения: 17.02.2025).

Обзор работ Балугьянского как государственного деятеля будет неполным, если не вспомнить о той неординарной роли, которую он сыграл в реформировании российской полиции. Как отмечают А. В. Борисов и И. А. Потемкин, Балугьянский был одним из ярких представителей общественной мысли по проектам создания министерства, которое сосредоточилось бы на обеспечении внутренней безопасности, борьбе с преступностью и охране общественного порядка, усилении роли политического сыска, поднятии престижа городской и земской полиции. В 1804–1812 гг. Михаил Андреевич возглавлял специальное отделение публичного права и полицейских законов «Комиссии составления законов», управлявшейся министром юстиции князем П. В. Лопухиным (Борисов и Потемкин, 2020, с. 17).

В архивах хранится дело, где изложены мысли Балугьянского о сущности полиции, с приложением акта об устройстве полиции в губерниях³³. Полицию Михаил Андреевич понимал в широком смысле как государственное управление в целом и называл ее «всеобщей полицией». Главное предназначение полиции он видел в охране политической и разных видов общественной безопасности. Сочинение свое он озаглавил «Обозрение всея Науки о Государственном благочинии, в виде таблицы расположенное».

В этой работе он предлагал разделить полицию на следующие сегменты:

«1. Полиция предохранительная, которая состоит из следующих направлений:

А. Внешняя политика, высшая полиция — вопросы войны и мира.

В. Внутренняя.

2. Усовершенственная полиция:

А. Всеобщая (государственная усовершенственная) полиция: 1) полиция государственного хозяйства и финансов; 2) полиция народного населения.

В. Частная усовершенственная полиция»³⁴.

Так остроумно критиковавший утопические идеи классиков экономической мысли Михаил Балугьянский сам не избежал увлечения утопической системой благонесущего полицейского контроля над всеми сторонами социальной жизни общества, что, впрочем, полностью соответствовало его вере в просвещенного монарха-благодетеля, мудро управляющего вверенным ему Провидением народом.

А. Н. Дубнянский подчеркивает, что в русской историко-экономической литературе роль Балугьянского как выдающегося ученого в подготовке финансовых реформ часто принижается, а то и вовсе замалчивается. Это обусловлено тем, что Балугьянский практически не публиковался. Можно составить лишь приблизительное представление о его взглядах. Все, что известно о его научном мировоззрении, получено из воспоминаний других людей (Дубнянский, 2019, с. 70).

Так, М. М. Медем вспоминает: «Заслуги такого замечательного человека, как Сперанский, по законодательству никогда не имели бы столь громадного значения или, вернее, успеха без деятельного участия Михаила Андреевича. Хотя этот последний и был подчинен ему по службе, как младший, тем не менее он всегда был его сотрудником. Михаил Михайлович немислим без Михаила Андреевича. Михаил Михайлович мог и должен был быть замечательным человеком и государ-

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 430. Замечания М. А. Балугьянского на основах начала проекта полицейского устава, с приложением акта об устройстве полиции в губерниях. 1810 (цит. по: (Борисов и Потемкин, 2020, с. 29–30).

³⁴ РГИА. Ф. 1260. Оп. 1, Д. 430. С. 30–31.

ственным деятелем в России, а Михаил Андреевич мог быть тем же и в других государствах. Отец признавал достоинства и великие способности Сперанского и часто говорил, что Сперанский был бы совершенно великим государственным человеком, если бы он знал Германский элемент, который, к сожалению, он игнорировал совершенно (он любил Французский и Английский, но не имел ни малейшего понятия о Германском). Это было важным недостатком в его развитии как государственного деятеля. <...> По законодательным работам они оба шли постоянно вместе; Сперанский имел выгоду Русского языка, чего был совершенно лишен Михаил Андреевич, бумаги которого вчерне писались или по-латыни или по-французски, а только впоследствии он освоился с чуждым ему языком. <...> Скромность отца, который всегда оставался в тени, была, вероятно, Сперанскому по сердцу»³⁵.

Некоторые исследователи считают, что истинным автором финансовых новаций, предложенных Д. А. Гурьевым в бытность его министром финансов, фактически является М. А. Балугьянский (Дубнянский, 2019, с. 70).

В целом, как отмечала М. М. Медем, «чтобы знать и оценить все работы [Балугьянского] по законодательству, по Министерству Финансов, устройству Банка, Американской Компании, Финляндским учреждениям, следует обратиться в архивы соответствующих ведомств, где эти труды должны находиться. Но почти все его работы представлялись через министров, а следовательно, легко может быть, что эти последние выдавали за свой труд то, что, в сущности, составляло труд [Балугьянского]»³⁶.

После окончания работ по кодификации и совершенствованию российского законодательства и модернизации структуры органов власти России М. А. Балугьянский был пожалован в потомственное дворянство и получил от императора герб, на котором была изображена книга законодательства с цифрой XV, означающей 15 томов работ Михаила Андреевича (Свод законов Российской империи, 1832).

В 1839 г. Балугьянский был назначен сенатором. В должности начальника II отделения он оставался до самой смерти 3 апреля 1847 г. и при преемниках Сперанского — Д. В. Дашкове³⁷ и Д. Н. Блудове³⁸. Любопытно, что Дашков и Блудов были знакомы Михаилу Андреевичу еще с времени начала его сотрудничества со Сперанским. Они оба тогда были секретарями князя Кочубея. Балугьянский, давая оценки их талантам, признавал, что Дашков по своим способностям стоял выше Блудова.

Впоследствии именно Блудов станет тем, кто предложит Николаю I уволить «слепого и оглохшего старика». М. М. Медем вспоминала: «...один из сенаторов рассказывал, как однажды, по всей вероятности из личных выгод, старался убедить Государя устранить от дел [М. А. Балугьянского] ввиду того, что он уже стар

³⁵ М. А. Балугьянский. Записка его дочери, баронессы М. М. Медем. С. 430–431.

³⁶ Там же. С. 432.

³⁷ Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) — русский литератор и сановник, основатель литературного общества «Арзамас». В последние десять лет жизни возглавлял министерство юстиции.

³⁸ Граф (1842) Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — русский литератор и государственный деятель, министр внутренних дел (1832–1839), главноуправляющий II отделения (1839–1861), председатель Государственного совета (1861–1864) и председатель Комитета министров (1861–1864). Президент Петербургской академии наук (1855–1864). Вместе с Д. В. Дашковым стоял у истоков литературного общества «Арзамас».

и будто бы неспособен вести дела с прежней энергией. На это Государь отвечал: “Позвольте, граф, мне и Михаилу Андреевичу остаться на наших местах до нашей кончины!”»³⁹

Заключение

Современникам, по воспоминаниям его дочери, Михаил Андреевич запомнился милым, слегка рассеянным здоровяком прямого, иногда вспыльчивого, но доброго и отходчивого нрава. Будучи абсолютно чужд тщеславию, он философски смотрел на «суету сует». Настоящий «венгерец», он любил самую простую, здоровую пищу, не отказывая себе в удовольствии сопроводить ее бутылкой легкого токайского вина. Он любил музыку, предпочитая произведения итальянцев — Дж. Россини и др. Сам играл на флейте и обожал, когда вокруг него веселилась молодежь. Был буквально жаден до новых знаний и новостей политической жизни. Ежедневно читал зарубежную прессу: *Galignane Messenger*, *Augsburger Zeitung*, *Journal des Debats*. Увлекался итальянской литературой, а также архитектурой, восторгался Растрелли.

Токайское вино всегда развешало его и напоминало родину, куда он мысленно переносился. В то же время он всегда произносил тосты за благоденствие своего нового отечества и государя, которому был искренне предан и служил верою и правдой до последнего дня.

Литература

- Борисов, А. В. и Потемкин, И. А. (2020) *Министерство полиции и его руководители*. М.: Проспект.
- Дубянский, А. Н. (2019) ‘Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик’, в Рязанов В. Т. (ред.) *Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет: сб. ст., посвящ. 200-летию кафедры полит. экон. (экон. теории) в С.-Петерб. ун-те*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, с. 67–76.
- Жуковская, Т. Н. (2020) ‘М. А. Балугьянский — университетский профессор, ректор и государственный деятель’, *Петербургский исторический журнал*, 2 (26), с. 250–270.
- Косачевская, Е. М. (1971) *Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Местр, Жозеф Мари де. (2007) *Четыре неизданные главы о России: Письма русскому дворянину об испанской инквизиции*. Пер. с фр. А. П. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль.

Статья поступила в редакцию: 17.10.2024

Статья рекомендована к печати: 21.11.2024

Контактная информация:

Богомазов Геннадий Григорьевич — д-р экон. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0003-3589-2857>, g.bogomazov@spbu.ru

Ковалев Виталий Валерьевич — д-р экон. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0001-7696-3741>, v.v.kovalev@spbu.ru

Пятов Михаил Львович — д-р экон. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-6897-0658>, m.pyatov@spbu.ru

Чернова Елена Григорьевна — д-р экон. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-8949-8161>, e.chernova@spbu.ru

³⁹ М. А. Балугьянский. Записка его дочери, баронессы М. М. Медем. С. 427.

Mikhail Andreevich Balugyansky — the first rector of the revived University

G. G. Bogomozov, V. V. Kovalev, M. L. Pyatov, E. G. Chernova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bogomozov, G. G., Kovalev, V. V., Pyatov, M. L. and Chernova, E. G. (2025) 'Mikhail Andreevich Balugyansky — the first rector of the revived University', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 41 (1), pp. 4–22. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2025.101> (In Russian)

This article combines a publication consisting of a biographical essay dedicated to the life and work of the first rector of the revived St. Petersburg Imperial University Mikhail Andreevich Balugyansky (1769–1847) and two of his works on political economy, published for the first time in an edition adapted to the rules of the modern Russian language. In 1819, work began on organizing scientific research in the field of political economy at the revived St. Petersburg University, and for this purpose, a department of the encyclopedia of legal and political sciences and political economy was opened, headed by Professor Balugyansky. The biography of M. A. Balugyansky presented in the article reveals the pages of his life associated with serving for the good of Russia — organizing the activities of St. Petersburg University, working on compiling the Code of Laws under the leadership of M. M. Speransky, teaching the Grand Dukes and much more. The publication of Mikhail Andreevich's works actually brings back to modern scientific circulation his works devoted to issues relevant to economic science of the late 18th — early 19th centuries. These works by Balugyansky were published in 1806 and 1808 in the Statistical Journal of K. F. German, published by the Imperial Academy of Sciences. The study analyzes the content of these works and provides comments on their main provisions. Their consideration gives the modern researcher the opportunity to literally directly observe the formation of economic thought in Russia at the corresponding historical stage of its development. They are of unconditional interest to researchers of the history of economics and economic thought in Russia. Familiarity with them can be useful not only for economists, but also for historians studying the development of the national economy, as well as for all readers interested in the development of Russian culture. Based on the materials of this publication, the authors prepared a section dedicated to the life and work of M. A. Balugyansky in the Reader of Economic Thought dedicated to the anniversary of St. Petersburg State University.

Keywords: St. Petersburg State University, Balugyansky, Adam Smith in Russia, national wealth, revived university, university rector, political economy.

References

- Borisov, A. V. and Potemkin, I. A. (2020) *The Ministry of Police and its Leaders*. Moscow: Prospekt Publ. (In Russian)
- Dubyansky, A. N. (2019) 'Mikhail Andreevich Balugyansky as a Scientist-Economist and Politician', in Ryazanov V. T. (ed.) *Ekonomicheskaya teoriya v Sankt-Peterburgskom universitete: put' v 200 let: sbornik statei, posviashchennyi 200-letiiu kafedry politicheskoi ekonomii (ekonomicheskoi teorii) v Sankt-Peterburgskom universitete*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, pp. 67–76. (In Russian)
- Kosachevskaya, E. M. (1971) *Mikhail Andreevich Balugyansky and St. Petersburg University of the first quarter of the 19th century*. Leningrad: Leningrad University Press. (In Russian)
- Maistre, Joseph Marie de. (2007) *Four unpublished chapters on Russia. Letters to a Russian nobleman about the Spanish Inquisition*. Transl. from French by A. P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)

Zhukovskaya, T.N. (2020) 'M. A. Balugyansky — university professor, rector and statesman', *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2 (26), pp. 250–270. (In Russian)

Received: 17.10.2024

Accepted: 21.11.2024

Authors' information:

Gennady G. Bogomazov — Dr. Sci. in Economics, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-3589-2857>,
g.bogomazov@spbu.ru

Vitaly V. Kovalev — Dr. Sci. in Economics, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-7696-3741>,
v.v.kovalev@spbu.ru

Mikhail L. Pyatov — Dr. Sci. in Economics, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6897-0658>,
m.pyatov@spbu.ru

Elena G. Chernova — Dr. Sci. in Economics, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-8949-8161>,
e.chernova@spbu.ru